

(Окончание. Начало в № 127).

Райкин просится в Москву

По распределению обязанностей я, как помощник первого секретаря, ведал вопросами культуры. Не было недели, чтобы к нему не обращались (обычно через меня) очень и не очень известные писатели, артисты, художники, музыканты. Гришин по-настоящему любил искусство. Следил за театральными премьерами, за литературными новинками. Самым большим увлечением, даже страстью Виктора Васильевича была музыка. Насколько я знаю, он единственный из членов Политбюро, кто регулярно ходил на концерты в консерваторию — естественно, не для телерекламы.

Отдавая предпочтение классике и традиционным формам искусства, Виктор Васильевич помогал и тем, чье творчество не отвечало его собственным вкусам. При нем в Москве было построено больше театральных зданий, чем за все остальное советское время. За строительством Детского музыкального театра Натальи Сац, нового здания "Уголка Дурова", цирка на Ленинских горах он постоянно следил сам, не раз ездил на стройки: понимал, что иначе им конца не будет.

но о его печатном выступлении о том, будто бы Гришин на него кричал, топал ногами... Ни того, ни другого он вообще никогда не допускал, даже голос повышал крайне редко. Я присутствовал при всех встречах главного режиссера Театра на Таганке с первым секретарем МКГ КПСС и свидетельствую: это пылкая фантазия Любимова. Даже после того, как Гришина и его жену безжалостно, как умеют только актеры, обхамили на спектакле "Престегните ремни", униженно-подобострастные извинения примчавшегося на следующее утро Любимова были приняты неизменно корректно. Виктор Васильевич молча выслушал его, сказал лишь:

— Больше мы в ваш театр не придем.

Потом добавил:

— Но помогать вам я буду по-прежнему.

А свое слово он держал всегда.

"Они сражались за Родину"

Как-то вечером Виктор Васильевич дал мне прочитать бумагу, разосланную по Политбюро начальником ГлавПУРа.

— Прямо донос какой-то. Не верится, чтоб Бондарчук мог сделать антипатриотический фильм. Съезди с Бугаевым на "Мосфильм", посмотри, что там так наших генералов рассердило.

использовать весь свой авторитет, чтобы Надя Павлова получила партии и вообще состоялась как звезда балета.

Сколько таких! Разумеется, не только и даже не столько в искусстве.

Судьба "Спартак"

Когда московский "Спартак" вылетел из высшей лиги, никто не надеялся на его скорое возвращение. Во-первых, команда под руководством Н.П.Старостина уже несколько лет как впала в кризис, и резервов улучшения игры не просматривалось. Во-вторых, случившееся с ней было результатом заговора группы руководителей ведущих клубов: несговорчивый "Спартак" постоянно путал карты в их договорных раскладах.

Для миллионов же болельщиков этой по-прежнему народной тогда команды, особенно москвичей, падение "Спартак" было настоящей трагедией.

Гришин, насколько я знаю, никогда не касался спортивных дел, считая, что партийным органам и без этого есть чем заниматься. Но на сей раз изменил своему правилу, видя в судьбе "Спартак" нечто большее, чем просто неудачу одного из московских клубов. Виктор Васильевич собрал несколько совещаний по этому вопросу, искал надежное решение. После долгих обсуждений, советов со специалистами

побежал, очертя голову, за Горбачевым в окружавшей его восторженной толпе. Гришин всегда знал истинную цену Горбачеву, насмотрелся на его холуйство перед московскими шишками, приезжавшими на отдых на кавказские Минводы. И Горбачев чувствовал это отношение.

Надо, однако, отвести домыслы о претензиях Виктора Васильевича на пост Генсека. Он сам рассказывал мне, что после смерти Черненко Горбачев предложил ему стать председателем похоронной комиссии — а все знают, что сие означает. Ответ Гришина: "Я секретарь Московского горкома и по своим данным не имею оснований претендовать на большее. Вы — секретарь ЦК, Вы и должны возглавить комиссию". Все предельно ясно. И не собиравшись никто из членов Политбюро выдвигать Гришина в Генсеки. Они понимали, что ничего хорошего это большинству не сулит: он был о них весьма неважного мнения. Планы такого рода насчет Романова были, но это уже совсем другой разговор.

Горбачев сперва натравил на Гришина Соколоменцева и Лигачева, используя их личную преданность себе и неприязнь к Гришину. И те, не подозревая, что их руками начинается черное дело дискредитации партии, ее руководителей, рьяно взялись выполнять поручение. А вся горбачевская рать дружно поддержала:

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГРИШИН

Однажды к нему обратился Аркадий Райкин. Аркадий Исаакович был в очень угнетенном состоянии. Он жаловался на постоянные придирки ленинградского начальства, на крайне недоброжелательную атмосферу вокруг театра, а потом сказал:

— Виктор Васильевич, возьмите нас в Москву.

Своей просьбой он поставил Гришина в не очень удобное положение перед Романовым. Тем не менее вопрос был решен. Райкин получил временно помещение Театра эстрады, квартиры для артистов. Для постоянной работы его коллектива началось переоборудование кинотеатра в Марьиной роще.

Еще раньше Гришин взял шефство над строительством нового здания Театра на Таганке. Первоначально у него было к этому театру предвзятое отношение, сформированное цеховскими и горкомовскими идеологиями. Они внушили ему, что там ставится нечто ужасное, на что и ходить неприлично. Стоило немалых трудов убедить его все-таки посмотреть несколько спектаклей и составить собственное мнение. После первого же посещения предубеждение исчезло.

Юрий Петрович Любимов очень удачно использовал встречи в театре и заручился поддержкой своих планов полной реконструкции здания. Он и директор театра Н.Л.Дупак стали постоянными посетителями на Старой площади. Приходили с проектами, макетами, советовались, просили содействия. А уж звонил Юрий Петрович почти ежедневно.

— Вы должны мне помогать хотя бы как единственному русскому режиссеру, — не раз повторял Любимов.

Гришин любые отклонения от интернационализма не принимал на дух, но помогал: со строительством, с квартирами, званиями, другими земными благами. После развода с Л.Целиковской Любимов попросил квартиру для своей новой семьи. Дали.

В день похорон Высоцкого потребовалось вмешательство горкома, чтобы они состоялись так, как того хотел театр.

— Горком партии — единственное место, где меня поддерживают, — часто говорил тогда Юрий Петрович.

С тем большим удивлением прочел я недав-

ГлавПУРовское обращение по поводу фильма "Они сражались за Родину" и впрямь походило на донос. В чем там только не обвиняли авторов! И армия-то наша у них только отступает, и роль политработников не показана... Несколько страниц гневных обвинений подобного сорта.

Когда мы вместе с И.Б.Бугаевым, тогдашним заведующим отделом культуры горкома, приехали на просмотр, нас встретил буквально почерневший Сергей Бондарчук. Он сказал, что принято решение фильм на экраны не выпускать. Мы же по окончании просмотра искренне недоумевали: что тут могло кому-то не понравиться?

О своих впечатлениях рассказали Виктору Васильевичу. Не знаю уж, что он предпринял, но больше проблем с "Они сражались за Родину" не было.

Примерно при таких же обстоятельствах вышли на экран "Калина красная" В.Шукшина, "Зеркало" А.Тарковского, еще ряд фильмов, встречавших сильное противодействие различных искусствоведов-любителей из ЦК, МКГ, КГБ.

Запомнилась история с памятником Хрущеву работы Э.Неизвестного. В очередной бумаге на сей раз, кажется, из КГБ, предлагалось не разрешать его устанавливать. Гришин, прежде всего оценивавший любую новую для него проблему с позиции здравого смысла, удивился: "Что ж это может быть за памятник, который нельзя устанавливать?" — и послал меня посмотреть. Побывав в мастерской Э.Неизвестного, я подробно описал эту хорошо известную теперь скульптурную композицию, показал фотографии. Дальнейшее известно.

Можно было бы привести довольно солидный список людей искусства, кому помог Виктор Васильевич. Расскажу лишь об одной судьбе.

После блистательной победы на балетном конкурсе выпускницу Пермского училища Надю Павлову пригласили в Большой театр. Но главный балетмейстер Ю.Григорьев упорно "не видел" Надю в своих спектаклях, а некоторые солистки начали против нее настоящую травлю. Не хочу касаться деталей, они в весьма неприглядном свете показывают ряд известных мастеров. Гришину пришлось

ми единственным выходом виделось приглашение в "Спартак" К.И.Бескова, имевшего целый ряд неповторимых тренерских результатов. Но ведь он работал в ЦС "Динамо" — вечного соперника "Спартак"! Надо было уговорить не только Константина Ивановича, но и министра внутренних дел Щелокова, в чьих кадрах он состоял в звании подполковника.

Гришин сумел сделать и то, и другое. Бесков дал согласие перейти в "Спартак", а Щелоков — откомандировать его туда без отчисления из МВД. Заведующему отделом пропаганды горкома А.М.Роганову было поручено лично курировать команду. Гришин сам помогал решать бесчисленные проблемы ее становления и совершенствования и в течение всего сезона, который понадобился К.И.Бескову для возвращения "Спартак" в высшую лигу, не упускал их из поля зрения. Лишь после того, как это совершилось, окончательно убедившись, что больше команде ничего не угрожает, ослабил внимание.

Если бы не это вмешательство, не видать бы нам того "Спартак", с которым К.И.Бесков потом открыл новую страницу в развитии советского футбола.

Кому выгодно

Близко наблюдая в течение 10 лет В.В.Гришина, я могу, положив руку на сердце, сказать: у него не было другой жизни, кроме работы, не было других интересов, кроме заботы о Москве. Никто другой из столичных руководителей столько не делал для ее строительства и благоустройства, для улучшения жизни москвичей. А в итоге — бесславное отстранение, безжалостный моральный террор, преждевременно сведший в могилу. Хотя я лучше многих знаю действительные, а не приписываемые недостатки Гришина, убежден: он и на малую долю не заслужил тех поношений, которые обрушились на него в последние годы жизни, отягченные обострившейся мучительной болезнью. По силе и целенаправленности кампании против него можно сравнить только с кампанией против Г.В.Романова.

Устранение Гришина было необходимо Горбачеву. И в силу мстительности и злопыхательности натуры. И потому, что Михаил Сергеевич не был и не мог стать для Виктора Васильевича авторитетом; он никогда бы не

там Гришина давно терпеть не могли, хотя лебезили.

Вторым важным фактором в борьбе против Гришина стало назначение в Москву Ельцина. Неспособный не только наладить жизнь огромного города, но хотя бы разобраться в ее особенностях, тот стал набирать популярность многократно проверенным способом: тотальной критикой предшественника, обвинениями во всех собственных просчетах и провалах, приведших Москву к тому состоянию, в котором сейчас она находится. Когда к горбачевской команде подключилась ельцинская, вал критики стал всесокрушающим. Эти в средствах стесняться не привыкли. Именно тогда была запущена "деза" о якобы имеющихся фактах взяток и других злоупотреблений Гришина. Огромный отряд всегда находящихся для таких надобностей охотников был брошен Ельциным на поиски компромата. Искали долго, ревностно. Но ничего не нашли, ни малейшей зацепочки. Что не помешало с подачи самого Б.Н. распускать всяческие слухи, один ужаснее другого. Представляете, что было бы, если бы хоть что-то обнаружилось в действительности?

Теперь читателю самое время задать автору вопрос: почему же он только сейчас все это рассказывает? Отвечаю. Еще несколькими месяцами раньше меня просто не стали бы слушать. Охватившее страну демократическое опьянение заставляло людей с порога отвергать любую неудобную правду. Сколько мы в "Гласности" предупреждали о пагубности для страны и народа прихода к власти буржуазных демократов! Сколько приводили фактов, показывающих истинное лицо их лидеров, в том числе и Ельцина! Ничего не воспринималось. "Хватит вам лить

на них грязь!" — вот была типичная реакция.

Теперь опьянение прошло, наступает отрезвление, но слишком многие еще не решаются признаться, что позволили кучке политических проходимцев так себя околпачить. Слишком у многих еще живы иллюзии. И я не вполне уверен, что все меня поймут правильно. Но знаю: стремление самим разобраться в том, что с нами произошло, крепнет. Свидетельство — эта публикация.

Публикацию подготовил В.Плешевеня.